

Необъективный постскриптум *Москва, март 1992 г. Числа*

После долгой продолжительной...

Пожалуй, финал очередного сезона Театра драмы и комедии на Таганке можно охарактеризовать просто: тяжелобольной организм наконец-то удалился на лечение. Дела обстоят худо. Конечно, весь предыдущий путь театра не был устлан розами, но чтоб такое...

Казалось, с момента возвращения Юрия Любимова на Родину и воцарения Николая Губенко в кресле министра культуры для Таганки наступят золотые дни, но — не тут-то было.

Театр так привык к скандалам, что начал создавать их искусственно (как у Вольтера — если Бога не было бы, его следовало выдумать).

Причем скандал был гораздо более высокого уровня, нежели все предыдущие. Ссорится уже не опальная труппа со злыми дядями из министерства, а два художественных руководителя: тот, который создал

театр, эту труппу, спектакли и другой, много сделавший для возвращения того, первого, домой (напомним, что первые полгода после приезда в Союз Любимов нелегально жил дома именно у Губенко).

В результате труппа делится на две части, а сам театр превращается в место для разборок, не имеющих к искусству никакого отношения. Достаточно вспомнить стремительное вышвыривание экс-министра, ОМОН у служебного входа, чтобы не прошел соперник, срыв спектакля «Владимир Высоцкий» из-за длительного рассказа Губенко о его взаимоотношениях с Любимовым и т. п.

В итоге же пострадали, конечно, зрители. Спектакли шли без азарта, часто заменялись.

То же, что все-таки дошло до сцены, имело вид довольно жалкий. Всегда четко отточенные любимовские действия на-

чали давать сбои: то свеча не может загореться, то еще что-то. И как итог — знаменитую финальную сцену «Бориса Годунова», вызывавшую ранее бурю оваций, на последнем спектакле встретила мертвая тишина. Только по залу пронесся шепот: «Народ безмолвствует».

Лениво стали играть, лень даже снять со стены фотографию уволенного Губенко. «Электру», побывавшую в Афинах, даже не представили — перенесли премьеру на открытие следующего сезона.

Дай Бог, чтобы за время перерыва компромисс все-таки нашелся; либо — мир, либо — сразу два театра на Таганке, как это было раньше с МХАТом или Ермоловским.

Ведь разделить театр несложно. Одним — новую сцену, другим — старую, репертуар — поровну. С именем Высоцкого, правда, придется сложнее...

О. КЕСТЕР.